

«Все твердят: погубил сей канал угасавшую Суй,

Только тысячи ли и поныне живут его быстрым руслом.

Не погрязни владыка в роскоши расписных ладей —

Сам великий Юй не затмил бы его трудов».

Это лишь одно из суждений о Великом канале, погубившем когда-то могущественную династию. Разумеется, стихи поэта Пи Жисю не могут стать окончательным приговором истории, однако неоспоримо одно: раскинувшаяся на тысячи ли водная артерия принесла небывалое процветание землям Цзяннани.

Вглядываясь в бесконечный поток судов, запрудивших канал, молодой человек в бирюзовых одеждах стоял на носу лодки. Он тихо вздохнул:

— Безжалостное правление Цинь привело к её краху, но оставило Великую стену для защиты от северных варваров. Ян-ди погряз в гордыне, сгубив престол Суй, но сотворил этот канал — и теперь веками историки спорят, чего в его делах больше, блага или зла. Ты ведь у нас всегда славился острым умом, отчего же притих? Поведай свои глубокие думы.

Первые слова были лишь невольным размышлением созерцателя, вторые же предназначались стоявшему рядом отроку. На вид мальчику едва исполнилось десять лет, но держался он на удивление степенно. Услышав призыв, он лишь невозмутимо отозвался:

— Дядюшка, неужели я перед вами в чём-то провинился? Стоит кому-то услышать подобные речи, и столичные книжники замучают меня нравоучениями. Или вам просто скучно и хочется потехи?

Младший дядя с улыбкой ущипнул племянника за щеку:

— Я ведь просто даю тебе возможность блеснуть умом.

Мальчик насмешливо фыркнул:

— Оставьте эти попытки, дядя. Книжные премудрости меня не прельщают, так что нечего завлекать меня на путь усердного учения.

Мужчина со вздохом покачал головой:

— И впрямь не передумаешь? Что хорошего в этих вечных упражнениях с клинком? Если не

хочешь зубрить каноны ради чиновничьего кресла, мог бы, как и я, вольно скитаться по свету.

Отрок и бровью не повёл. Напротив, он ехидно усмехнулся:

— Раз уж вы так беспечны и свободны, дядя, что же вы бежали из столицы, точно спасаясь от погони? Хватит ли у вас смелости вернуться и повторить эти слова бабушке?

Такой выпад разом лишил мужчину дара речи. Стоило зайти разговору о строгой матушке, как вся его спесь улетучилась. Пользуясь правами старшего, он лишь снова бесцеремонно сжал пухлую щёку племянника:

— Какая несносная вредность! Смотри, с таким характером тебя никто любить не будет.

Мальчик одарил дядю взглядом, полным искреннего презрения к подобному ребячеству. Увы, сила была не на его стороне: хоть он и закалял тело боевыми искусствами с малых лет, против взрослого выстоять пока не мог. Пришлось спешно вырываться из цепких пальцев.

Пока они шутливо боролись под встревоженными, но нерешительными взглядами слуг, судно внезапно резко качнуло. Оба едва удержали равновесие.

Мужчина вовремя подхватил племянника за плечо и недовольно приказал разузнать, что произошло. Хоть они и путешествовали без лишней помпы, их корабль был достаточно крупным и устойчивым. На воде царил полный штиль — с чего бы вдруг поднялась такая качка?

Вестник вернулся быстро. Оказалось, встречное судно так торопилось, что рулевой проявил непростительную халатность и едва не протаранил их борт. Столкновения в последний миг удалось избежать, но бока кораблей всё же соприкоснулись, отчего по воде пошла сильная волна.

Мужчина вскинул брови. Кто посмел так дерзко вести себя на воде?

— Чей корабль? Они хоть извинились?

Слуга возмущённо покачал головой:

— Господин, там сидят наглые до предела люди! Сами же нас задели, так ещё и обвинили во всех грехах, осыпав наших матросов бранью. Сил нет терпеть такое хамство!

Мальчик, доселе лишь молча наблюдавший, нахмурился:

— И откуда же взялись эти спесивые наглецы?

— Отвечу молодому господину, — поклонился слуга. — Сказали, что они из столичного поместья Жунго. Кабы вы, второй господин, не приказали нам скрывать имена, разве посмели бы эти псы так лаять?

Отрок удивленно изогнул бровь. Поместье Жунго? Стало быть, это люди семьи Цзя. Но зачем им спешно мчаться в Янчжоу? Неужели...

Он повернулся к дяде и лукаво прищурился:

— Дядюшка!

Мужчина тут же насторожился, предчувствуя подвох:

— Когда ты так сладко улыбаешься, добра не жди. Выкладывай, что у тебя на уме?

Поняв, что уловка не сработала, мальчик ничуть не смутился и со смехом парировал:

— Ну зачем вы так, дядя? Ваша подозрительность ранит моё чуткое сердце. Я ведь всегда отличался примерным почтением к старшим.

Мужчина лишь закатил глаза. Почтением? Этому притворству могли поверить разве что благочестивые дамы в семейных покоях. Сверстники же мальчика и его братья за версту обходили этого хитреца, опасаясь стать жертвой его каверз.

Впрочем, самого дядю это мало заботило. Иметь столь смышлёного племянника было куда веселее, чем нянчиться со скучными недотёпами. Он благодушно махнул рукой:

— Ладно, не паясничай. Что у тебя на уме?

Мальчик довольно улыбнулся:

— Мы ведь только что разминулись с людьми дома Цзя. Их родовое гнездо — в Цзиньлине. Зачем же им так спешно мчаться в Янчжоу? Поведайте мне, неразумному.

Мужчина легонько шлёпнул племянника по затылку:

— Не знал, что тебя интересуют дела столичных вельмож. Впрочем, раз уж в Янчжоу я собираюсь представить тебя одному старому другу, так и быть, слушай.

Мальчик предусмотрительно отступил на шаг, спасаясь от повторного шлепка. Мужчина хмыкнул и продолжил:

— Семья Цзя действительно из Цзиньлиня, но одна из их знатных девиц вышла замуж за Линь Хая, нынешнего инспектора соляного надзора. Вероятно, эти слуги спешат в Янчжоу из-за госпожи Цзя.

Мальчик оживился:

— Стало быть, вы близко знакомы с господином Линем?

Мужчина окинул племянника задумчивым взглядом, вздохнул и опустился на бамбуковый стул:

— Мы дружны с малых лет. Пожалуй, его можно назвать моим самым близким другом.

Мальчик заинтересовался ещё сильнее. Если они так близки, отчего же так долго не виделись? Заметив этот немой вопрос, мужчина жестом пригласил племянника присесть рядом:

— С Жухаем мы не виделись больше десяти лет. Хотя его род и происходит из Гусу, вырос он в столице. Его покойный отец занимал пост сопровождающего министра Министерства чинов. Сам же Жухай с юности блистал талантами — среди сверстников ему не было равных.

Мальчик прекрасно знал, как самолюбив его дядя. Слышать от него столь щедрые похвалы в адрес другого было редкостью. Любопытство к личности Линь Хая разгорелось с новой силой:

— Неужели он и впрямь такой выдающийся человек?

Мужчина усмехнулся:

— Не смей равнять его с заносчивыми буквоедами и начётчиками. Стоит упомянуть хотя бы то, что после траура по матери он сразу вернулся на государственную службу в Цзяннань. За несколько лет он сменил несколько чинов, стремительно продвигаясь вверх. Сберегать для Его Величества соляную казну этого богатейшего края — задача, которая не под силу посредственности.

Мальчик сокрушённо вздохнул, состроив скорбную мину:

— Какая досада. Если верить вашим словам, судьба этого господина Линя весьма незавидна.

Дядя легонько щелкнул его по лбу:

— И в чём же ты разглядел повод для жалости?

— Раз он столь одарён, отчего прозябает в провинциях? В нашей империи заведено: не прошедшему службу в Академии Ханьлинь не видать кресла в Великом секретариате. Какую бы высокую должность ни занимал господин Линь, путь в советники императора ему заказан. Разве это не досадно?

Слова племянника искренне позабавили мужчину:

— Я-то думал, ты додумался до чего-то глубокого! Во-первых, правила существуют для того, чтобы их нарушать. Во-вторых, в год сдачи экзаменов на степень цзиньши Жухай занял почётное третье место — стал таньхуа — и сразу получил назначение на должность младшего чиновника в Академию Ханьлинь. Лишь кончина матери и положенный траур вынудили его оставить столицу, а после возвращения к делам он получил назначение на юг.

Мальчик прищурился, добравшись наконец до главного:

— Но если он пользовался милостью императора, а за его спиной стояло влиятельное семейство Цзя, почему после траура его не вернули в столицу? Поначалу его чин на юге наверняка не был столь велик. Почему же он остался в Цзяннани?

Вопрос заставил мужчину на мгновение задуматься:

— Вот уж не знаю всех хитросплетений... — Он отмахнулся от лишних дум. — К чему забивать голову чужими тайнами? Ну так что, хочешь навестить его со мной?

Мальчик широко улыбнулся:

— С удовольствием засвидетельствую почтение. А если у господина Линя подрастает прелестная дочка, визит станет вдвойне приятным.

Дядя уставился на племянника в изумлении. С каких это пор мальчишка начал заглядываться на девиц? Если матушка прознает о таких речах, она непременно обвинит его в дурном влиянии на ребёнка! Он строго нахмурился:

— Разве прилично благородному наследнику вести подобные разговоры? Посмей ещё раз сболтнуть такую глупость — и по возвращении я лично обо всём доложу твоему отцу.

Мальчик покорно склонил голову, принимая выговор, но его лукавая улыбка никуда не исчезла.

Тем временем в Янчжоу Линь Хай, только что спешно вернувшийся в усадьбу, не успел даже смыть дорожную пыль, как слуги доложили о прибытии посланников из дома Цзя. Хотя пренебрежительное отношение родственников усопшей супруги задело его, долг вежливости требовал принять гостей. Каково же было его негодование, когда выяснилось, что столичные вельможи не только заставили себя ждать, но и прислали обычных дворовых слуг, не удостоив визитом ни одного из господ.

Выслушав доклад, Линь Хай помрачнел. Управляющий Линь Чэн, стоявший неподалёку в ожидании распоряжений, заметил, как потемнело лицо хозяина, и осторожно спросил:

— Господин, как прикажете поступить?

Сдерживая рвущийся гнев, Линь Хай медленно выдохнул:

— Размести их в гостевых покоях. Передай, что я только воротился из дальней дороги, утомлён и приму их в другой день.

Это было явное указание проучить столичных выскочек пренебрежением. Линь Чэн с готовностью склонился. Высокомерие дома Цзя задело и преданного управляющего: будучи слугой, он не смел высказать недовольство открыто, но теперь, получив дозволение хозяина, знал, как поумерить спесь гостей.

Не желая портить себе кровь общением со столичными холопами, Линь Хай направился во внутренние покои, чтобы провести дочь. После безвременной кончины Цзя Минь маленькая Дайюй увядала на глазах. Дорога изнурила её слабое тело, и отец всерьёз опасался, как бы девочку вновь не свалила лихорадка.

К его облегчению, Дайюй держалась стойко, хоть и выглядела измождённой. Завтра Линь Хаю предстояло вернуться к делам службы, и он решил посвятить сегодняшний свободный день заботе о дочери.

Обладая тонкой, чуткой натурой, Дайюй искренне обрадовалась вниманию отца. Однако посреди неспешной беседы она робко упомянула о приезде гостей из столицы, отчего Линь Хай невольно замер.

Заметив внезапную тень на лице отца, девочка испугалась, что сболтнула лишнего, и поспешно умолкла, опустив глаза. Линь Хай тепло улыбнулся, привлёк её к себе, усадил на колени и мягко спросил:

— Юй-эр, от кого ты прослышала о приезде людей из дома Цзя?

Убедившись, что отец не сердится, Дайюй тихонько прошептала:

— Матушка Чжан проговорила... Ещё она сказала, что матушка моей покойной мамы хочет забрать меня в столицу. — Девочка прослезилась и умоляюще посмотрела на отца: — Отец, Юй-эр не хочет покидать этот дом. Пожалуйста, не отправляйте меня к бабушке!

Линь Хай ласково погладил её по волосам, стирая слезинки:

— Глупенькая, разве я когда-нибудь говорил, что прогоню мою Юй-эр? Ты — моё единственное сокровище на всём белом свете, как же я смогу отпустить тебя? Ну же, вытри слёзы, не плачь.

Услышав заветные слова, Дайюй сквозь слёзы улыбнулась:

— Правда? Вы не обманываете меня?

Линь Хай дал твердое обещание. Успокоенная отцовским словом, Дайюй повеселела, и былая тревога улетучилась без следа. Пользуясь моментом, Линь Хай решил проверить успехи дочери в учении. Покои наполнились тихими голосами — отец ласково задавал вопросы, а дочь прилежно отвечала, являя взору картину истинного семейного согласия.

Однако, сдерживая гнев при дочери, Линь Хай не собирался оставлять без внимания дерзость прислуги. Стоило ему переступить порог детского дворика, как его лицо вновь окаменело. Стоило отлучиться по делам, как дворня совсем распустилась!

Он велел немедленно привести к нему матушку Чжан. Одновременно с этим инспектор призвал свою верную кормилицу, матушку Линь, приказав ей навести строгий порядок среди служанок Дайюй. Всякому, кто посмеет распускать язык и тревожить барышню досужими сплетнями, было велено указать на дверь без малейшего сожаления.

<http://bllate.org/book/18189/1751798>